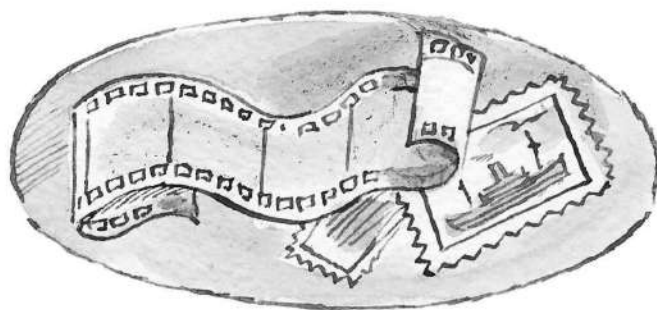

ЧЕМОДАН С ЧЕТЫРЬМЯ РУЧКАМИ

РАНИМ МАЙСКИМ УТРОМ К ГОСТИ-
нице «Дубки» подкатил светло-серый автомобиль.
Распахнулась дверца, из машины выскочил человек
с трубкой в зубах. Увидев приветливые лица, букеты
цветов, он смущённо улыбнулся. Это был профессор
Громов. Почётный гость конгресса кибернетиков при-
ехал из Синегорска, сибирского научного городка, и,
как всегда, решил остановиться в «Дубках».

Директор «Дубков», организовавший торжествен-
ную встречу, занялся вещами. Из распахнутой пасти

багажника торчал закруглённый угол большого чемодана.

— Э-э, даже такой силач, как вы, не поднимет его, — сказал профессор, заметив, что директор заглядывает в багажник. — Это очень тяжёлый чемодан.

— Пустяки, — отозвался директор. Он обхватил чемодан мускулистыми руками и поставил на землю. Лицо его покраснело. Чемодан был длинный, чёрного цвета, с четырьмя ручками. По форме он напоминал футляр контрабаса. Однако надписи точно определяли содержимое: «Осторожно! Приборы!»

— Ну и ну... — покачал головой директор. — Как же вы справлялись, профессор?

— Приглашал четырёх носильщиков. А сам руководил, — сказал Громов.

— Мы оставили вам тот же номер. Вы не возражаете?

— Прекрасно. Весьма благодарен.

Директор с тремя помощниками взялись за ручки и отнесли чемодан на второй этаж. Поднявшись за ними, профессор с удовольствием оглядел голубоватые стены гостиной, удобную мебель, маленький рабочий стол у широкого, во всю стену, окна. Он почувствовал, что в комнате пахнет сосновым лесом, и улыбнулся.

Директор нажал на одну из кнопок у двери:

— Запах хвои не обязательно. Если хотите, можно цветущие луга, фиалки и даже морозный день. Это кнопки генератора запахов. Для настроения.

— Всё чудесно, настроение отличное, — успокоил его профессор.

— Мы так и думали. Пожалуйста, располагайтесь, отдыхайте. — И директор удалился.

Профессор распахнул окно. В комнату с шорохом листвы влетел утренний ветерок и запутался в прозрачных шторах. Под окном росли крепкие дубки, солнечные лучи пробивались сквозь их лохматые шапки и ложились светлыми пятнами на землю. Вдалеке шуршали шины. Над деревьями прострекотал маленький вертолёт — воздушное такси.

Громов улыбнулся: он никак не мог привыкнуть к этим вертолётам и ездил в обычных такси. Он видел, что город раздался и похорошел. От вокзала ехали мимо километровых цветников, в бесконечном коридоре зелёных деревьев, застывших, как в почётном карауле. Куда ни помотришь — везде что-то новое: берёзовая рощица, хоровод стройных сосен, яблони и вишни в белых накидках, цветущая сирень... Сады висели и над головой, на крышах зданий, защищённые от непогоды прозрачными раздвижными купо-

лами. В промежутках между окнами, которые перепоясывали здания блестящими лентами, тоже была зелень: вьющиеся растения цеплялись за камни и бетон.

— Дубки подросли, — сказал профессор, смотря в окно.

Да, он много лет не был в этом городе.

Он нагнулся над чемоданом, отпер замки, откинул крышку. В чемодане, на мягком голубом нейлоне, лежал, вытянувшись во весь рост, мальчик с закрытыми глазами. Казалось, он крепко спит.

Несколько минут профессор смотрел на спящего. Нет, ни один человек не мог бы сразу догадаться, что перед ним кибернетический мальчик. Курносый нос, вихор на макушке, длинные ресницы... Синяя курточка, рубашка, летние брюки. Сотни, тысячи таких мальчишек бегают по улицам большого города.

— Вот мы и приехали, Электроник, — мягко произнёс профессор. — Как ты себя чувствуешь?

Ресницы дрогнули, блестящие глаза открылись. Мальчик приподнялся и сел.

— Я чувствую себя хорошо, — сказал он хриплым голосом. — Правда, немного трясло. Почему я должен был лежать в чемодане?

Профессор помог ему вылезти, стал поправлять костюм.

— Сюрприз. Ты должен знать, что такое сюрприз. Но об этом поговорим потом... А теперь одна необходимая процедура.

Он усадил Электроника на стул, достал из-под его куртки маленькую электрическую вилку на эластичном, растягивающемся проводе и вставил её в розетку.

— Ой! — дёрнулся Электроник.

— Ничего, ничего, потерпи, — успокаивающе сказал профессор. — Это необходимо. Ты будешь сегодня много двигаться. Надо подкрепиться электрическим током.

Оставив Электроника, профессор подошёл к видеотелефону, набрал на диске номер. Засветился голубой экран. Громов увидел знакомое лицо.

— Да, да, Александр Сергеевич, я уже здесь, — попыхивая трубкой, весело сказал Громов. — Самочувствие? Превосходное!

— Я не хочу, — раздался за его спиной скрипящий голос Электроника. — Я так не могу...

Профессор погрозил Электронику пальцем и продолжал:

— Приезжайте... Жду... Предупреждаю, вас ждёт сюрприз!

Экран погас. Громов повернулся, чтобы спросить мальчика, почему он капризничает, но не успел. Элек-

троник вдруг сорвался со стула, подбежал к подоконнику, молниеносно вскочил на него и прыгнул со второго этажа.

В следующее мгновение профессор был у окна. Он увидел, как мелькает между деревьями синяя курточка.

— Электроник! — крикнул Громов.

Но мальчик уже исчез.

Покачивая головой, профессор достал из кармана очки и нагнулся к розетке.

— Двести двадцать вольт! — В его голосе прозвучала тревога. — Что я наделал! — Он бросился к двери.

Сбегая по лестнице, профессор заметил удивлённое лицо директора и успокаивающе помахал ему рукой. Сейчас было не до объяснений.

У тротуара стояло такси. Громов резко распахнул дверцу, упал на сиденье. Переводя дыхание, scomандовал шофёру:

— Вперёд! Надо догнать мальчика в синей куртке!..

...Так начались необычайные события, которые вовлекли в свой круговорот немало людей.

БЕЛЫЙ ХАЛАТ ИЛИ ФОРМУЛЫ?

ЖИВЁТ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ ОБЫКНОВЕННЫЙ мальчишка — Сергей Сыроежкин. Внешность его ничем не примечательна: круглый курносый нос, серые глаза, длинные ресницы. Волосы всегда взъерошены. Мышцы незаметные, но тугие. Руки в ссадинах и чернилах, ботинки потрёпаны в футбольных баталиях. Словом, Сыроежкин такой, как и все тринадцатилетние.

Серёжка полгода назад переехал в большой жёлто-красный дом на Липовой аллее, а до этого он

жил в Гороховом переулке. Даже странно, как среди зданий-великанов мог так долго сохраниться последний островок старого города — Горохов переулок, с его низенькими домиками и такими маленькими дворами, что всякий раз, когда ребята затевали игру в мяч, обязательно разбивали окно. Но вот уже полгода, как Горохова переулка нет. Бульдозеры снесли дома, и теперь там орудуют длиннорукие краны.

Серёжке нравится его новая жизнь. Он считает, что во всём городе нет такого замечательного двора: просторного, как площадь, и зелёного, как парк. Целый день скачи, играй, прячься — и не надоест. А если и надоест — иди в мастерские, строгай, пили, работай сколько хочешь. Или отправляйся в залы отдыха, гоняй бильярдные шары, читай журналы, смотри на экран телевизора, что висит на стене, как огромное зеркало.

А придёт минута спокойной задумчивости, и он увидит над двором стремительные облака-птицы, облака-планеры, облака-ракеты, которые несёт с собой ветер в голубом небе. И прямо из-за крыши вылетит на него большая серебристая машина — пассажирский реактивный самолёт, прикроет на мгновение крыльями весь двор и так же внезапно исчезнет, только гром прогремит по крышам.

И новая школа — вот она стоит посреди двора — тоже по душе Серёжке. В классах белые парты и жёлтые, зелёные, голубые доски. Выйдешь в коридор — перед тобой стена из стекла, и небо с облаками, и деревья, и кусты; так и кажется, что школа плывёт среди зелёных волн, будто пароход. А ещё самое главное, самое интересное — счётные машины в лабораториях. Большие и маленькие, похожие на шкафы, телевизоры и пишущие машинки, они приветствовали Сыроежкина весёлым стуком клавиш, дружески подмигивали ему разноцветными глазками и добродушно гудели свою нескончаемую песню. Из-за этих умнейших машин и название у школы было особенное: юных кибернетиков.

Когда Сыроежкин только приехал в новый дом, записался в седьмой «Б» и ещё не видел этих машин, он сказал отцу:

— Ну, мне повезло. Буду конструировать робота.

— Робота? — удивился Павел Антонович. — Это для чего же?

— Как — для чего! Будет ходить в булочную, мыть посуду, готовить обед. Будет у меня такой друг!

— Ну и дружба! — сказал отец. — Мыть посуду...

— Но это же робот, механический слуга, — ответил Серёжка.

И он ещё долго рассуждал о том, какие обязанности можно возложить на робота, пока отец не прервал его:

— Ну, хватит фантазировать! Завтра пойдёшь в школу и всё узнаешь.

— И ещё будет чистить ботинки, — пробормотал Серёжка из-под одеяла.

А назавтра Сергей уже забыл, что собирается делать робота. После школы он вихрем ворвался в квартиру, бросил в коридоре портфель и, отдуваясь, продекламировал:

«А» и «Б»

Сидели на трубе.

«А» упало, «Б» пропало,

Что осталось на трубе?

— Вот тебе и на! — засмеялся отец. — Наш кибернетик сделал открытие. По-моему, эту задачку изучают в детском саду.

— Хорошо, — сказал Серёжка, — если в детском саду, тогда реши её.

— Да ну тебя, Серёжка, отстань! Мне ещё до самой ночи сидеть над чертежом.

Павел Антонович пошёл было в комнату, но Сергей вцепился в него, как клещ.

— Нет, ты не увиливай! Ты скажи, что осталось на трубе?

— Наверно, «И»? — Отец пожал плечами.

— Вот ты рассуждаешь как раз примитивно, — важно сказал Серёжка. — Предположим, «А» — это трубочист, «Б» — печник. Если они оба свалились, как же могло остаться «И»? Это не предмет, его нельзя потрогать или уронить. — Сергей сделал маленькую паузу и хитро улыбнулся. — Но ты тоже прав. Раз ты не сбросил с трубы «И», ты его заметил. Значит, это слово несёт важную информацию. А именно: оно обозначает тесную связь между объектом «А» и объектом «Б». Хотя это «И» не предмет, оно существует.

— Мудрёно, — сказал Павел Антонович, — но мы, кажется, друг друга поняли.

— А по-моему, всё очень просто, — продолжал сын. — Каждая буква, каждое слово, даже вещь, даже ветер или солнце несут свою информацию. Ты, например, читаешь газету и узнаёшь новости. Я решаю задачу, применяю формулы и нахожу ответ. Где-то в море капитан ведёт корабль и смотрит, какие волны, какой ветер. Все мы делаем одно и то же: берём какую-то информацию и работаем.